

"Понятно. Ревностный последователь даосизма, практик. Теперь ясно, почему он постоянно в тренировочном костюме и с мечом – видимо, каждый день выходит на практику, занимается цигун или тайцзицюань".

- Дедушка, Вы ужинали? – спросил Шэнь Чан Ань, стараясь не смотреть на религиозные атрибуты, чтобы не смутить старика. Он быстро, но внимательно осмотрел деда – на лице, на руках не было видимых ссадин или синяков, что уже хорошо. – Хотите, я Вам тоже лапши сварю?

У пожилых людей сосуды и мозг – очень хрупкая система. После падения последствия могут проявиться не сразу, а через несколько часов. И если ночью начнётся приступ, а рядом никого не будет – беда. Лучше перестраховаться.

Наверное, эта его привычка влезать не в свои дела и заботиться о тех, кто слабее и беспомощнее, – от отца передалась. Тот тоже не мог пройти мимо чужой беды. Приходится вот и ему, Шэнь Чан Аню, "совать нос не в своё дело", потому что иначе никак.

- На ночь много есть вредно для здоровья, – высокомерно фыркнул дед, всем своим видом показывая, что он-то уж точно знает толк в правильном питании. – Яйцо не надо, масла поменьше, и зелени побольше положи, пучок.

Шэнь Чан Ань удивлённо усмехнулся:

- ...

"Интересная логика: лапша с зеленью на ночь – это полезно для здоровья. Чем это принципиально отличается от тусовок на дискотеке до утра, но с термосом, полным горячего чая с годжи (1)? Только формой активности".

На кухне он поставил кипятиться воду и открыл холодильник в поисках продуктов. Холодильник у деда, хоть тот и жил один, ломился от запасов. Особенно впечатляла средняя полка – там ровными рядами, как на аптечной витрине, стояли какие-то баночки, скляночки, коробочки с пилюлями и снадобьями.

Шэнь Чан Ань, стараясь не накормить пожилого человека на ночь слишком тяжёлой пищей, сварил лапшу с большим количеством овощей. Когда он поставил тарелку на стол, дед уже успел переодеться в чистое и даже заварил для гостя чай – поставил перед ним дымящуюся пиалу.

Шэнь Чан Ань был тронут до глубины души. Такого приёма он никак не ожидал.

Чай оказался на удивление ароматным – необычайно, сказочно душистым, таким, от которого на душе становилось легко и радостно. Шэнь Чан Ань сам не заметил, как выпил всю пиалу до

дна.

- В следующий раз, когда придёшь в гости к чужим людям, - наставительно произнёс дед, отодвигая пустую тарелку и промокая губы салфеткой. - Не пей всё, что тебе нальют, не спрашивая. У молодёжи совсем мозгов нет, надо бы хоть каплю осторожности иметь, - он поднялся из-за стола. - Я поел. Можешь идти мыть посуду.

Шэнь Чан Ань нервно дёрнул уголком губ:

- ...

"Ну ладно. Уважение к старшим, забота о пожилых - это же традиционные добродетели китайской нации. Придётся потерпеть".

Он молча собрал со стола, отнёс посуду в раковину и принялся её мыть, время от времени поглядывая на деда, который так и сидел за столом, не двигаясь.

- Дедушка, а чай у Вас очень вкусный, - сказал он, чтобы нарушить молчание. - Просто замечательный.

Старик, наблюдая, как молодой сосед весело и безропотно возится у плиты, хмыкнул:

- Ещё бы не вкусный. Из тысячелетнего линчжи (2) заварен. Конечно, вкусный.

"Тысячелетний линчжи... Ага, понятно. Теперь ясно: дед не только чудаковатый и гордый, но ещё и любит прихвастнуть, приврать для красного словца".

Шэнь Чан Ань домыл посуду, вытер руки и, не став разоблачать старика, просто вежливо улыбнулся и поблагодарил за угощение.

- Раз уж тебе так понравилось, - дед вдруг полез в шкаф и извлёк оттуда деревянную коробочку, которую с размаху сунул Шэнь Чан Аню в руки. - Могу подарить. Бери, - вид у него при этом был такой, будто он одаривает нищего, который в жизни ничего путного не видел.

- Да что Вы, неудобно как-то...

- Не возмёмшь - значит, презираешь старика? - дед, и без того с характером, нахмурился ещё сильнее.

Шэнь Чан Аню, конечно же, ничего не оставалось, кроме как принять дар с благодарной улыбкой.

Забрав коробку, он, однако, не ушёл, а остался сидеть у деда ещё часа два – на всякий случай, понаблюдать. Убедившись, что цвет лица у старика нормальный, что он уже вполне оклемался и даже обрёл силы, чтобы снова недовольно коситься на гостя, Шэнь Чан Ань решил, что опасность миновала. Дед в полном порядке, можно уходить.

И тут же был выставлен за дверь.

Старик стоял на пороге, положив руку на дверную ручку, и всем своим видом выражал крайнюю степень неудовольствия.

– Я, между прочим, Чжан. Фамилия у меня есть, – он смерил Шэнь Чан Аня уничтожающим взглядом. – Чего ты всё "дедушка" да "дедушка"? Я что, имени своего не заслужил?

Грохот захлопнувшейся двери привычно оглушил Шэнь Чан Аня.

"Ну, дедушка Чжан, характер у Вас, конечно, о-го-го. Имени вы своего, безусловно, заслуживаете. Вот только Вы мне его так и не сказали".

Прижимая к груди коробку с "тысячелетним линчжи", Шэнь Чан Ань поплёлся к себе наверх, кое-как добрёл до кровати и провалился в сон – уже было два-три часа ночи, а завтра (то есть уже сегодня) на работу.

* * *

Наутро, явившись в офис с хроническим недосыпом, Шэнь Чан Ань сразу же наткнулся на понимающую ухмылку Дин Яна.

– Чан Ань, а чем это ты вчера занимался? – Дин Ян подмигнул, разглядывая его лицо. – Что-то вид у тебя сегодня свежий, румянец во всю щеку.

– Да ну тебя, – отмахнулся Шэнь Чан Ань, зевая во весь рот и плюхаясь на своё место. – Сосед у меня снизу, дед один живёт. Вчера ночью свалился где-то, весь в пыли пришёл. Я боялся, что с ним что-то серьёзное, просидел у него почти до утра, пока не убедился, что всё в порядке. Потом уже домой пошёл, спать.

Дин Ян подошёл поближе и взгляделся в лицо коллеги. Никаких тёмных кругов под глазами, никакой бледности или отёчности – кожа сияет чистотой и свежестью, будто он только что из спа-салона вышел.

– Вот же везучий гад, – с неподдельной завистью вздохнул Дин Ян, присаживаясь прямо на край стола. – У таких, как ты, после бессонной ночи ещё и цвет лица лучше становится. Враг народа, честное слово, – он понизил голос до заговорщического шёпота и подался вперёд. – Слышал новость?

- Какую? - Шэнь Чан Ань, глядя на его таинственный вид, равнодушно предположил: - В лотерею выиграл? Десять миллионов?

- Если бы я выиграл, я бы на работу, думаешь, пошёл? - фыркнул Дин Ян. - Про деревню Уми слышал? Помнишь, мы туда поехали как раз когда ливень начался?

- Ну, помню. И что?

1. Годжи (枸杞) - ягоды дерезы обыкновенной (китайский барбарис). Широко используются в традиционной китайской медицине и кулинарии как общеукрепляющее, тонизирующее средство, полезное для зрения, печени и почек. В современной китайской поп-культуре стало мемом сочетание "термос с годжи" - символ "парадоксального" здорового образа жизни молодёжи, которая совмещает вредные привычки (вроде тусовок до утра) с заботой о здоровье (пьют настой с полезными ягодами).

2. Тысячелетний линчжи (灵芝) - в традиционной китайской культуре и медицине линчжи (трутовик лакированный, *Ganoderma lucidum*) считается священным грибом, символом долголетия, бессмертия и духовной силы. "Тысячелетний" - эпитет, подчёркивающий не столько реальный возраст, сколько невероятную ценность и чудодейственность. Упоминание тысячелетнего линчжи в контексте дара от чудаковатого деда звучит иронично и намекает либо на преувеличение, либо на нечто действительно необычное.

<http://bllate.org/book/16518/1503648>